
И. А. АВДЕЕВА

ОСОБЕННОСТИ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ОРГАНИЗАЦИИ ВИРТУАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В ПРОСТРАНСТВЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ

Современные исследования особенностей виртуальной коммуникации акцентируют внимание на том, что специфические особенности интернет-коммуникаций строят новые отношения и между членами интернет-сообществ. Глобальный характер этих коммуникаций позволяет делать прогнозы о том, что виртуальная реальность способна кардинальным образом изменить социокультурную реальность. Однако характер построения глобального коммуникационного пространства и усиливающееся влияние социальной реальности дают основания предполагать, что виртуальное пространство глобальных коммуникаций само испытывает на себе влияние социальных реалий иного характера.

Ключевые слова: глобальные коммуникации, виртуальная коммуникация, виртуальные сообщества, виртуальная реальность, нетикет, этика в Интернете, прикладная этика.

Nowadays, the studies of virtual communication emphasize that the peculiar features of Internet communication contribute to the development of new relations among the members of Internet community. The global nature of communications allows making predictions that virtual reality is able to radically change the socio-cultural reality. However, the nature of building a global communication space and the increasing influence of social realities give reason to assume that the virtual space of global communication itself has been influenced by the social realities of a different nature.

Keywords: global communication, virtual communication, virtual communities, virtual reality, netiket, Internet ethics, applied ethics.

Говоря о появлении глобального коммуникативного пространства, чаще всего мы говорим не о существовании некоего единого наднационального и поликультурного пространства коммуникации.

Философия и общество, № 4 2016 20–33

ции, а прежде всего о возможности коммуникации, не имеющей формальных географических и временных ограничений. Последнее связано больше с высоким уровнем технических достижений, нежели с объективно возросшей потребностью межкультурного взаимодействия, вызванного выходом на новый уровень культурного развития. Более того, можно сказать, что выход общества на новую стадию (информационную и постинформационную) общественного развития обусловлен НТР и предоставленными ею новыми техническими и технологическими возможностями коммуникации. Речь идет, таким образом, о создании интернет-пространства как пространства глобальной коммуникации, где коммуникация носит по преимуществу виртуальный характер. В этом глобально-виртуальном пространстве коммуникации появляются такие новые явления, как феномен виртуальной культуры, виртуальных сообществ, виртуального общения, что позволяет многим исследователям этих явлений говорить и о совершенно новых принципах организации самого виртуального пространства, отличных от принципов формирования в реальной культурной среде. В этой связи в многочисленных попытках теоретического анализа названных явлений прилагается немало усилий выявить характерные свойства этих явлений, которые, с определенной долей условности, могут быть экстраполированы и на все глобальное коммуникативное пространство ближайшего будущего. Вместе с тем их оценка должна проводиться с учетом тех же допущений, связанных с оценками феномена глобального коммуникативного пространства: неясность тенденций, обусловленная как новизной явления, так и субъективной вовлеченностью исследователя, порождает немало утопических идей и фантазий. Тем не менее в научно-теоретическом дискурсе можно выделить ряд идей, требующих серьезного рассмотрения.

В качестве ключевых свойств виртуальной коммуникации выделяют в первую очередь ее вненормативный (вне устоявшихся этических норм) характер, который является результатом действия целого комплекса специфических факторов формирования виртуальной коммуникации. Так, Е. Ю. Малькова утверждает, что виртуальной коммуникации присущ *опосредованный, трансграничный, неинституциональный, нестатусный* и во многих случаях *анонимный* характер, что сопровождается неразвитостью действующих в этой сфере социальных норм (как правовых, так и нрав-

ственных). Эти свойства позволяют рассматривать Интернет как воплощение либертарианского, даже анархического идеала, а потому в основе мировоззрения культуры виртуальной коммуникации лежит идея незыблемости личной информационной свободы, которая во многом и предопределяет характер сетевого этоса [Малькова 2004]. С одной стороны, трудно не согласиться, так как именно эти идеалы были положены в основу идеологии Интернета и киберпространства (Манифест хакера, Манифест киберпанка и т. п. и т. д.). Однако, с другой стороны, эти идеалистические и утопические установки по мере освоения Интернета массовым потребителем отошли на второй план, а анонимность и анархическое начало, которые 10 лет назад еще были девизом виртуальных коммуникаций, сегодня не кажутся такими уж очевидными с учетом усиливающейся тенденции тотального контроля под различными предложениями.

В свою очередь, В. А. и С. В. Михайловы полагают, что ключевыми характеристиками интернет-пространства являются *виртуальность, интерактивность, гипертекстуальность, глобальность, креативность, анонимность и мозаичность* [Михайлов В. А., Михайлов С. В. 2004]. То же самое можно отнести к пространству культуры постмодерна в целом, за исключением глобальности и виртуальности – основных характеристик интернет-пространства.

По мнению же А. В. Чистякова, к виртуальному пространству можно применить многие характеристики *гетеропотии*: быть одновременно открытым и закрытым для доступа, обеспечивать многоканальность общения, оказывать воздействие на окружающее актуальное пространство, соединять несоединимые, различные пространства [Чистяков 2006]. Вместе с тем выделяются и специфические черты, позволяющие разделять онлайн и офлайн. Так, в виртуальном пространстве деформируется структура взаимодействия, а именно: возникает *многоконтактность*; ориентация на другого вытесняется ориентацией на самого себя; самопрезентация носит ситуационный характер; самоидентификация становится медиаперсональной; общение является конспективным и анонимным; визуальный канал получения информации превалирует; осуществляется интерференция приватного и публичного, частного и общественного общения; происходят интенсификация и ускорение осуществления интеракций и «смягчение» времени; совмещаются несколько форм коммуникативных взаимодействий (безличной, меж-

личностной и мультиперсональной); возникает возможность сознательного принятия (и сознательного нарушения) принятых норм и правил, притягательность и внутренняя противоречивость [Чистяков 2006].

Специфические изменения связаны и с использованием в Сети языка. Так, в частности, Е. И. Горошко подчеркивает, что Интернет образует особую коммуникативную среду – место реализации языка, которое не имело аналогов в прошлом [Горошко 2012]. С помощью языка участники коммуникации пытаются выразить не только мысли, но и действия и эмоции. Кроме того, происходит взаимодействие устной и письменной формы существования языка: интернет-коммуникация характеризуется постоянно увеличивающейся степенью синхронности, разговорности и эмоциональности, что приближает формально письменное пространство интернет-коммуникации к устной форме существования языка. Данный процесс характеризуется как «орализация общения», то есть повышение роли устного общения в структуре коммуникации. Отсюда и возникает термин «устная письменная речь», которым предлагается описывать процесс интернет-общения.

Кроме того, функционирование Интернета как особой профессиональной (помимо коммуникативной специфики) среды привело и к образованию специфических профессий – информационных работников или IT-специалистов, занимающихся хранением, преобразованием, обработкой, передачей и другими операциями с информацией при помощи компьютеров и программного обеспечения. Именно эта группа пыталась не только регулировать пространство Интернета с технической точки зрения, манифестировать и постулировать особую идеологию Интернета, но и контролировать его.

Однако наиболее серьезным новообразованием, вызванным появлением интернет-пространства, являются виртуальные сообщества. Один из предполагаемых авторов этого термина, Г. Рейнгольд, определяет их как социальные объединения, которые вырастают из Сети, когда группа людей поддерживает открытое обсуждение достаточно долго и человечно, для того чтобы сформировать сеть личных отношений в киберпространстве [Rheingold 1994].

Первоначальное восприятие этих образований как в первую очередь средств массовой коммуникации привело к возникновению

термина «социальные медиа», под которыми понимались: крупные сообщества с открытым доступом, насчитывающие миллионы пользователей с различными интересами; группы по интересам, действующие и в рамках крупных сообществ, но на специальных площадках; внутриорганизационные (корпоративные) сообщества; вертикальные (узкопрофессиональные) сообщества; горизонтальные сообщества, в основе существования которых лежат более широкие интересы. Несколько иную классификацию предлагает Д. Шикула, выделяя сообщества увлечений: возможные тематические направления сообществ – спорт, экономика, политика, культура и т. д.; географические сообщества, отражающие социальные аспекты определенной страны, региона, города и т. д.; сообщества потребителей: возможные тематические направления – автомашины, сотовые телефоны, компьютерные инновации и т. д.; профессиональные сообщества: возможные тематические направления – бизнес, дизайн, IT; сообщества прямого общения: их целью (так называемых сайтов знакомств) является установление дружеских или романтических отношений; гендерные сообщества; протестные сообщества, характеризующиеся критическим отношением к людям, событиям, явлениям; маргинальные сообщества, развивающиеся в среде Интернета культуру различных маргинальных групп (панки, готы, гопники и т. д.) [Шикула]. Однако по факту получается, что большинство виртуальных сообществ хотя образуются часто стихийно, но существуют и поддерживаются в силу определенных социокультурных закономерностей, объединенные не только общими интересами, но и общими познавательными потребностями и разделяемыми ценностями.

Сегодня виртуальное сообщество определяется как «социальная общность, образованная в результате длительного компьютероопосредованного взаимодействия между пользователями, возникшего на основании наличия у них общих интересов, способная к накоплению социального капитала (формирование общепринятых ценностей и стандартов, установление доверительных отношений между участниками, создание общедоступного контента и т. д.)» [Невесенко 2011] и находится в центре внимания многих специалистов (социологов, психологов, культурологов и др.). Во-первых, актуальным является вопрос о причинах и специфике формирования интернет-сообществ как сетевых объектов. Во-вторых, в каче-

стве значимой выявляется проблема роли виртуальных сообществ в социализации личности. В-третьих, рассматривается вопрос о влиянии интернет-сообществ на те или иные социальные процессы и проблемы, волнующие как конкретное общество, так и все мировое сообщество в целом и т. д.

Все вышеприведенные характеристики, многократно тиражированные во многих публикациях, превратились практически в такой же мем, как «глобализация» или «виртуализация», рождая поистине апокалиптические прогнозы, согласно которым социальное *под влиянием виртуального* становится фрагментарным, частичным, индивидуализированным, спектаклизированным и факультативным. И этот мем достаточно искусно скрывает то, что даже такие структурообразующие принципы Интернета, как стихийность, хаотичность и свободолобие, аксиоматически приписываемые ему многими авторами, на самом деле требуют серьезных доказательств, а зачастую сами переживают влияние социальной реальности, внося в виртуальную коммуникацию определенные коррективы.

Безусловно, свобода остается (пока еще остается) декларируемой базовой ценностью Интернета. Любой человек волен искать информацию, соответствующую его интересам, он может общаться когда угодно и с кем угодно. Однако эта свобода все более начинает напоминать таковую в знаменитой трактовке О. У. Холмса: «Ваша свобода размахивать кулаками заканчивается там, где начинается кончик носа стоящего рядом человека», давно уже зафиксированную в основных принципах этики прав человека и действующую в офлайне как ведущая социокультурная установка в ценностной парадигме западного общества. При этом общие установки «нетикета» в целом совпадают с таковыми в реальном социуме [Коваль 2011]. Аналогичная корректировка происходит и в отношении к собственности (особенно авторской) и национальной идентичности.

Интернет-пространство достаточно хорошо структурировано, и это структурирование, если не обращать внимания на несколько специфический категориальный аппарат, также происходит по нормальным канонам офлайна, что в общем-то опровергает преобладавшее в 90-е гг. XX в. и сохранившееся в некоторых современных русскоязычных исследованиях мнение о том, что информаци-

онное общество будет менее четко социально структурировано и более полиморфно, чем общество индустриальное [Nora, Minc 1980: 131].

Стратификация виртуальных сообществ происходит по образу и подобию «стандартных» социумов, и основным ее критерием является либо власть как именно власть, либо власть как влияние. На основании степени обладания властными полномочиями в «виртуале» выделяются системные администраторы (администраторы серверов), модераторы (форума и подфорумов) и пользователи [Бондаренко]. Упорядочиванию (стратификации) социальной структуры сообществ служат и статусы, как правило, заложенные в программу-оболочку форумов («гость», «новичок», «гуру», «ветеран», «VIP», «тысячник» и т. д.). Для каждого статуса характерно наличие конкретной роли, функций и возможностей влияния, определяющих положение пользователя в сообществе.

В известном смысле стандартно происходит и реализация властных полномочий, в рамках которых ситуации: 1) сводятся к простым непротиворечивым логическим схемам, клише, которые не нуждаются в особых интерпретациях; 2) идеализируются или стереотипизируются; 3) символизируются и ритуализируются [Данилова 2000]. При этом решение принимается модератором в соответствии с действующими правилами форума более или менее объективно.

Подлинно «хаотические» форумы практически не выживают – общение с девиантными собеседниками необязательно и поэтому легко прекращается как пользователями (через игнорирование или черный список), так и модераторами (бан, в том числе «пожизненный»). То есть можно говорить о том, что процесс преодоления первоначальной и вполне объяснимой на этом этапе анархии развивается вполне успешно и по не раз уже отработанному в реальном мире сценарию.

Копирование онлайн-социумом офлайн-социума неизбежно – именно реальное общество задает правила игры. И не только потому, что все «граждане» Сети живут еще и в реальном мире, но и потому, что они еще и граждане (уже без кавычек) государств, которые в том числе являются механизмом легитимного насилия. И эти правила постепенно выстраиваются в достаточно стройную систему. Введение (и ужесточение) ответственности за размещаем-

мую информацию неизбежно вызывает со стороны поставщиков контента действия по саморегулированию. И эти действия состоят в соблюдении «морально-этических норм, в выработке корпоративной морали инфообщества: саморегуляция в демократическом обществе является более действенным средством, нежели прямой контроль» [Данилова 2000: 22–24]. Интернет превращается не столько в стихийное, сколько в организуемое коммуникативное пространство, информационный обмен в котором идет «на основе ранее принятых правил, запретов и санкций к нарушителям», и служит «целям поддержания и развития ресурса» [Там же].

Примером подобного рода упорядочивания может служить развитие ситуации вокруг проблемы авторского права в Интернете. Несмотря на то, что существуют несколько подходов к вопросу об отношении к авторским правам на интернет-информацию, тренд очевиден: оттолкнувшись от принципа «сетевого нейтралитета», провозглашенного «отцами-основателями», и признав, что «циркуляция информации приобрела масштабный характер и осуществляется в электронно-цифровой форме, а существующие законы, регулирующие вещные отношения, не всегда подходят для разрешения коллизий, связанных с этим новым видом регулирования отношений» [Рассолов 2009], пришли к необходимости правового регулирования обращения информации в Интернете, делая акцент на том, что фундаментальные принципы права здесь вполне применимы, хотя некоторые аспекты реализации права в Интернете носят специальный характер. Нет никаких оснований предполагать, что адаптация других сфер «виртуального мира» к аналогичным в мире реальном будет проходить на других основаниях.

Конечно, анархический элемент в Интернете еще силен, так называемая «неуправляемая» культура, основу которой составляют стереотипы поведения, традиции, специфичность лексики, присутствует, но, вероятнее всего, во вполне обозримом будущем процент девиаций в Сети будет вполне соотносим с таковым в реальном мире, обуславливаясь столь же традиционными социальными причинами.

И, в общем-то, это естественно. Несмотря на то, что основания сетевых структур, по мнению Э. Кастельса, автора знаменитой «Галактики Интернета», лежат в трансформации моделей социальности в нашем обществе, каковая заключается в изменении содер-

жания понятия «сообщества»: они начинают определяться как сети межличностных связей, обеспечивающие социальное взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность, – тем не менее пользователи имеют обыкновение приспосабливать их под собственные интересы и нужды. В свою очередь, Сеть через пользователей Интернета способна к направленной самоорганизации и изменению, так как каждый активен в конструировании собственных связей и может найти во взаимодействии с другими свое место в сети, а тем самым и в социуме, или просто его создать. И реальное сообщество силами специальных пользователей, наделенных соответствующими полномочиями и ресурсами, оказывает заметное влияние на данный процесс самоорганизации. В этой связи утверждение о том, что новые информационные технологии предоставляют новые степени свободы и в конечном итоге ведут к обретению «независимости от какого-либо иерархического верха» [Лавренчук 2011], представляется как минимум не совсем верным.

Следует отметить, что и само понятие «виртуальное сообщество» ведет свое происхождение от понятия «социальная сеть», которое используется в научном обороте и исследуется уже не один десяток лет, и нет никаких оснований говорить о том, что эти сети существенным образом меняют социальность человека.

Еще одной новацией, порожденной Интернетом, стала «виртуальная личность», чье возникновение и существование сегодня неразрывно связано с понятием «виртуальное сообщество». Некоторые исследователи настаивают, что «виртуальные» и «сетевые» технологии открывают целый пласт проблем, связанных с локализацией индивида, статусом его «тела», «ума», «сознания», «души», и дают основания «говорить о “виртуальном теле” индивида» [Алексеева]. И не случайно большая часть содержания этого понятия так или иначе соотносится именно с Интернетом и компьютерными сетями. Однако само по себе это понятие также далеко не ново. Ближайшими его «родственниками» могут считаться разнообразные литературные персонажи и литературные же мистификации, а одной из первых по-настоящему виртуальных личностей стал Козьма Прутков.

И в этом смысле, если оттолкнуться от классификации виртуальных пространств, предлагаемой О. И. Елховой (компьютерно-

техническая виртуальная реальность, психологическая виртуальная реальность, эстетическая виртуальная реальность, социальная виртуальная реальность, виртуальная реальность как «недород бытия», виртуальная реальность как результат превращения, виртуальное как бытие в небытии, виртуальное как уровень небытия в бытии, виртуальное как подмена одного типа бытия другим, виртуальная реальность диалога) [Елхова 2011], можно предположить, что и компьютерная виртуальная личность должна иметь гораздо больше «родственников».

В качестве основных черт компьютерной виртуальной личности выделяют [Горный]:

- сведение собственно личности к ее семиотическим манифестациям (то есть к текстам в самом широком смысле);
- анонимность, по крайней мере, возможность таковой;
- расширенные возможности идентификации, свобода надевать виртуальную личность любым набором характеристик;
- множественность, возможность иметь ряд различных виртуальных личностей одновременно или последовательно;
- автоматизация, возможность полностью или частично симулировать активность виртуальной личности, используя компьютерные программы (что связывает виртуальную личность с искусственным интеллектом и роботехникой).

Согласно широко распространенному мнению, в виртуальном пространстве личность надевает маску, которая облегчает процесс коммуникации, и симулирует действительность, строит свой виртуальный субъективный мир. Конструированию и распространению виртуальных личностей способствует распространение различных видов виртуальной коммуникации: электронная почта, сайты, рассылки, форумы, чаты, онлайн-общение, блоги и т. д. Облегчают этот процесс такие характеристики виртуальной коммуникации, как опосредованность, интерактивность, дистантность и анонимность участников. Однако следует отметить, что моральные качества этой личности всегда будут определяться в реальности, задаваться реальным человеком виртуальному как продукту своего или чьего-либо индивидуального или коллективного творчества.

К тому же, если посмотреть на проблему виртуальной личности объективно, то следует признать, что эта самая личность виртуаль-

на настолько, насколько и анонимна. То есть существующие технические возможности позволяют достаточно легко идентифицировать виртуальную личность с реальной со всеми вытекающими отсюда последствиями. Примером этого служат регулярные аресты хакеров, педофилов и прочих лиц, нарушающих законы, – даже специальные мероприятия по сохранению анонимности в Сети ее не гарантируют.

Можно утверждать, что виртуальная личность, которая может творить и говорить что угодно и уйти от ответственности в силу своей воображаемой виртуальности, – лишь плод воображения. Структурированная виртуальная реальность не приемлет виртуальной безответственности и неизбежно соприкасается с жизнью и существующей социальной реальностью и социальной коммуникацией. Личность, как правило, действует в одном социокоммуникативном поле, а ее раздвоение – это уже определенная патология, хотя, безусловно, существование в двух мирах создает такой соблазн постоянно, порождая ряд новых и труднорешаемых проблем социализации и ориентации в мире.

Многие философы, поднимая проблемы виртуальной реальности, видят опасность того, что человек начинает стремиться в виртуальный мир, чтобы избавиться от мучительного чувства одиночества, фундированного изначальным обстоятельством события с «Другими» человека в мире. Однако в виртуальном пространстве наблюдается преимущественно такой способ бытия, когда человек оказывается окруженным виртуальными образами, являющимися, по сути, проекцией его собственных чувств и мыслей, а коммуникация оказывается замаскированным под диалог монологом. В частности, исследуя проблемы современной культуры, В. В. Миронов обращает внимание на перспективу формирования общения ради общения: «Общение без насыщения смыслами. Гипотетично, в будущем – это общение со своим зеркальным отображением, причем по заданным стереотипам коммуникации. Царство мертвой тождественности при огромной внешней активности» [Миронов 2006: 37]. Результатом для очень многих постоянных пользователей становится снижение ценности реальной жизни до той отметки, когда возвращаться к обыденной жизни становится с каждым днем все труднее и труднее.

Однако, как представляется, проблема объективной оценки виртуальной реальности заключается в искаженном восприятии этого понятия, которое сформировалось под влиянием поспешных и потому неверных оценок. Можно только согласиться с Н. А. Носовым, который полагает, что «растиражированное массовой культурой выражение “виртуальная реальность” лишь затрудняет “плавное вхождение” виртуальности в нашу культуру» [Носов 1997: 83–84].

Можно признать, что виртуальная реальность – один из видов символических реальностей, который создается на основе компьютерной и некомпьютерной техники и «реализует принципы обратной связи, посредством дискурсивной практики позволяет человеку достаточно эффективно действовать в мире виртуальной реальности» [Компанцева 2008: 220]. Однако следует понимать, что виртуальная реальность как симулякр внешней никогда не станет ведущей, но всегда – лишь ведомой, в какой-то момент превратившись в обыденный элемент окружающей действительности. А миф, пусть даже и являющийся наиболее органичным способом восприятия мира для человека, находящегося под воздействием средств мгновенной электронной информации, никогда не станет основным законом, конструирующим виртуальное пространство.

Влияние виртуальной реальности на реальную неизбежно. И это влияние осуществляется главным образом через развитие виртуальной коммуникации как ведущего на сегодняшний день коммуникационного канала. Более того, как справедливо замечает Л. Ф. Компанцева, «в интернет-коммуникации наблюдается межкультурная трансляция – из реального мира в виртуальный и наоборот – образов сознания, дискурсивных практик, когнитивных, прагматических, эмотивных и аксиологических установок» [Компанцева 2008: 85]. Примером подобного рода трансляции можно считать превращение Светланы Мартынчик в популярного сетевого автора Макса Фрая, который, в свою очередь, сохранив виртуальность, не только дал имя книжной серии, но и «избавился» от «С. Мартынчик», прекратившей работу над этим проектом. Однако такие трансляции – скорее исключение, подтверждающее общее правило: влияние реальности на виртуальность определяющее, и окончательное оформление этого отношения – лишь вопрос времени.

Однако и переоценивать это влияние не следует. Как показывают исследования поведения подростков, основные изменения в

социализации и социальном поведении связаны не с анонимностью, вседозволенностью и виртуальностью, а со способами восприятия поступающей информации и осуществления деятельности [Богданова].

Кроме того, говоря о глобальности виртуальной коммуникации, следует еще раз подчеркнуть, что современный этап развития Интернета характеризуется его структуризацией – дроблением на этнонациональные сектора, которые приобретают ярко выраженные черты, позволяющие легко их разделить. Эта же тенденция проявляется и в организации виртуальных сообществ, что говорит о возрастающем факторе этнонационального влияния и усилении глокализации.

Эта же структуризация происходит и в социуме пользователей Интернета который постепенно, но, как представляется, вполне уверенно, приобретает основные черты офлайн-сообщества, тем самым сводя на нет некоторые радикально апокалиптические прогнозы, касающиеся вероятных отрицательных последствий анонимности, либертарианства и виртуализации личности. И в достаточно обозримом будущем Интернет как некая действующая модель глобального информационного пространства, сохранив изменения, связанные с применением новых технологий, в основе своей превратится в одну из сфер деятельности реального социума и культуры в едином пространстве глобальной коммуникации.

Литература

Алексеева И. Ю. Интернет и проблема субъекта [Электронный ресурс]. URL: <http://iphras.ru/page52154242.htm>.

Богданова Д. Учителя и компьютеры: куда бежать? [Электронный ресурс]. URL: http://letidor.ru/article/uchitelya_i_kompyutery_74711/.

Бондаренко С. В. Стратификация в сетевых сообществах межличностного общения [Электронный ресурс]. URL: http://library.by/portalus/modules/psychology/referat_show_archives.php?subaction=showfull&id=1106582741&archive=1129709116&start_from=&ucat=15&.

Горный Е. Онтология виртуальной личности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/texts/ovr.html>.

Горошко Е. И. Современные интернет-коммуникации: структура и основные характеристики // Интернет-коммуникация как новая речевая формация / под ред. Т. Н. Колокольцевой, О. В. Лутовиновой. М.: Наука; Флинта, 2012.

Данилова Т. Административная грация в дигитальном веке // Компьютерра. 2000. № 338. 14 марта.

Елхова О. И. Онтологическое содержание виртуальной реальности: дис. ... д-ра филос. наук. Уфа, 2011.

Коваль Е. В. Этнос информационного общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 2011.

Компанцева Л. Ф. Интернет-лингвистика: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический подходы: монография. Луганск : Знание, 2008.

Лавренчук Е. А. Аутопойезис социальных сетей в интернет-пространстве: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2011.

Малькова Е. Ю. Этические проблемы виртуальной коммуникации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2004.

Мионов В. В. Современное коммуникационное пространство как фактор трансформации культуры и философии // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2006. № 4.

Михайлов В. А., Михайлов С. В. Особенности развития информационно-коммуникативной среды современного общества. Актуальные проблемы теории коммуникации: сб. науч. тр. СПб. : СПбГПУ, 2004.

Невесенко Е. Д. Специфика формирования и функционирования интернет-сообществ: социальный аспект // Молодой ученый. 2011. № 5. Т. 2. С. 88–92.

Носов Н. А. Фома Аквинский и категория виртуальности // Виртуальная реальность: философские и психологические аспекты / под ред. Н. А. Носова. М. : Прогресс, 1997.

Рассолов И. М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. М. : Норма, 2009.

Чистяков А. В. Социализация личности в обществе интернет-коммуникаций: социокультурный анализ: дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д., 2006.

Шикула Д. Интернет-сообщества как субъекты, формирующие глобальную информационную среду: понятие, происхождение, типы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1055&level1=main&level2=articles>.

Nora S., Minc A. The Computerisation of Society. A Report to the President of France. Cambridge, London, 1980.

Rheingold H. The Virtual Community. New York : Perennial, 1994.